

Алла ШЕНДЕРОВА

МЕЛАНХОЛИЧНАЯ
МАЛЫШКА

Франсуаза Куарез (Françoise Quarez) родилась 21 июня 1935 года в Париже.

Она рано научилась читать. Отец – богатый промышленник – с нежной грустью поглядывал на задумчивое книжное дитя и ни в чем ей не отказывал. Родители отдали ее в престижный католический пансион, где девочка утратила веру в Бога, а помимо книг пристрастилась к виски, сигаретам и классической музыке. Окончив пансион, Франсуаза поступает на филологический факультет Сорбонны. После пресной жизни в пансионе ночной Париж привлекал ее куда больше университетских лекций. Спустя год студентка Куарез была отчислена со второго курса за двойку по английскому. «Отец пробовал договориться о пересдаче – безуспешно. Тогда он забрал мои документы. Сначала я ревела, сидя одна в пустой квартире. Потом села писать свой первый роман», – вспоминает писательница.

Через несколько недель она вывела на титульном листе название: «Здравствуй, грусть!» и отправила рукопись одному из самых известных парижских издателей – Рене Жилляр. Роман был подписан фамилией «Саган» – в честь княгини Саганской, одной из героинь любимого Франсуазой Пруста.

НОВЫЙ ЖОРЖ САНД

Рене Жилляр так описывал свои ощущения от чтения этой повести. «Неужели новый Жорж Санд? Зрелый взгляд умной, ироничной, вдоволь пожившей женщины. Что тянуть – позволю-ка ей прямо сейчас...»

Можно представить тот шок, который испытал этот много повидавший человек, когда порог его кабинета переступила остроносая, грустноглазая девочка и заявила, что она – автор повести.

Жилляр предложил ей кофе и стал расспрашивать о родителях, любимых книжках, учебе в университете, а между делом – о рукописи. Его изумлению не было предела: никакие реальных прототипов у героев повести не существовало – эта вечерняя школьница выдумала все, включая откровенные описания любовных сцен, о которых сама знала пока только понаслышке.

Из его кабинета мадемуазель Куарез вышла, зажимая в руке 50 000 франков. Пробный тираж ее книги разошелся через неделю. Меньше, чем через год, повесть стала абсолютным лидером всей французской беллетристики. Сегодня она переведена практически на все языки и остается одной из самых читаемых книг в мире.

САГАНОМАНИЯ

Для почтенной католической Франции повесть «Здравствуй, грусть!» оказалась сенсацией. В 54-м году, задолго до знаменитых студенческих бунтов, юная писательница взрывала веками складывавшиеся устои, рассказывая миру историю семнадцатилетней Сесиль, наслаждавшейся сексом и плетущей изысканные любовные

Молчание Саган

У нас ее переводили немного – несколько самых знаменитых романов и пьес (удачно поставив их еще никому не удавалось), сборник эссе. Русский читатель довольствовался мифом о том, что где-то в Париже есть удивительно свободная женщина, которая не боится одиночества, садится за руль босиком, любит запредельные скорости, нюхает кокаин и пишет такие же изысканные, полные свободы и ностальгической грусти книги.

«Я буду плохо писать, если не буду жить», – любила повторять Саган. Долгие годы ее имя не сходило со страниц светской хроники. «Саган разводится», «Саган пошла в автокатастрофу», «Саган торгует своей дружбой с Миттераном», «Саган – литературная выскочка», «Саган – наркоманка»... «Я никому это

не советую, но оставьте мне мое право разрушать себя», – сказала она на суде, когда ее обвинили в хранении и распространении наркотиков. Она и вправду саморазрушалась – много и со вкусом. Перелистывая ее книги и перечитывая интервью, убеждаешься, что Саган сохранила главное – живую, поэтическую душу, не искореженную рано пришедшей славой и всеми жизненными неурядицами. Ее бесшабашность, безукоризненный вкус, непрактичность и в то же время удивительная жизненная стойкость всегда напоминали мне Раневскую из «Вишневого сада». «Угмонить такую женщину может одна смерть», – писал Чехов о своей Раневской. Франсуаза Саган умерла 24 сентября в больнице города Онфлер от закупорки легочных сосудов.

интриги. Традиционно такой сюжет мог иметь лишь две развязки: смерть героини как расплата за грехи, либо ее беременность, измена возлюбленного и долгие годы стыда. Но героиня Саган вовсе не несла наказания – вместе с таким же, как она, светски-поверхностным отцом, Сесиль возвратилась в Париж, намереваясь продолжить свою легкомысленную жизнь. Это только потом критики заметят, что Саган наказывает своих героев, обрекая их на годы душевного разлада; ее романов поднят до уровня расионовских трагедий; что она использует многие приемы эпохи классицизма... поначалу же общество почтенных буржуа пребывало в шоке от столь открытого и неприличного романа. Левые газеты немедленно объявили Франсуазу «восемнадцатилетним чудом».

Но слава почти не вскрыжила ей голову. «Если в ближайшее время ты не напишешь ничего нового, тебя унизят и назовут выскочкой», – предупредил отец. Закрывшись в своей комнате, Франсуаза ночи напролет пишет свою вторую повесть. Один за другим выходят: «Смутная улыбка», «Любите ли вы Брамса?», «Немного солнца в холодной воде». В начале 60-х она увлекается драматургией. Ее мастерство совершенствуется с каждой книгой, но Саган часто недовольна собой. К началу 90-х она публикует 22 романа, два сборника рассказов, семь пьес и две книги очерков.

«Я ВСЕГДА ЛЮБИЛА ДЕЛАТЬ ТО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ...»

Рассказывают, что получив свой первый гонорар, расте-

Онфлер – последний город Франсуазы.

рянная Франсуаза пришла за советом к отцу. «Деньги для тебя большое зло, – сказал тот, взглянув на свое витающее в облаках дитя, – поскорее истрать их». Что она тотчас и сделала, купив роскошную машину, яхту и виллу. Кстати, у этой истории есть и другая версия, согласно которой, получив свой первый чек, Франсуаза прямоком отправилась в казино, где выиграла... восемь миллионов франков. Так или иначе, преферанс и рулетка стали ее страстью на всю жизнь.

Несмотря на многодневные пиры, которые щедрая Франсуаза задавала друзьям, она мучилась от одиночества. По всей вероятности, первым ее любовником был фотограф Филипп Шарпентье, вместе с которым весной 1955-го Жилляр отправил ее в рекламный тур по Америке. Шарпентье бросил Саган сразу по окончании поездки.

Ее первым мужем стал издатель Ги Шэллер – он сделал Франсуазе предложение прямо в больничной палате, куда она попала после страшной автокатастрофы. Шэллеру Саган посвятила несколько своих романов. «Он был потрясающим другом, но невыносимым мужем», – скажет она позднее. После нескольких месяцев «семейного счастья» Франсуаза стала пить и уже не могла обходиться без кокаина.

Позднее Саган вторично вышла замуж – за американского художника Боба Уэстхофа. В июне 1962-го родила своего единственного сына – Дени Уэстхофа. Но и этот брак оказался недолгим.

Вероятно Саган, с юности ненавидевшая буржуазные ценности, подсознательно считала брак одной из таких ценностей. «Обязательный секс – смертная скука», – написала она однажды. И всю жизнь бежала от этой смертной скуки...

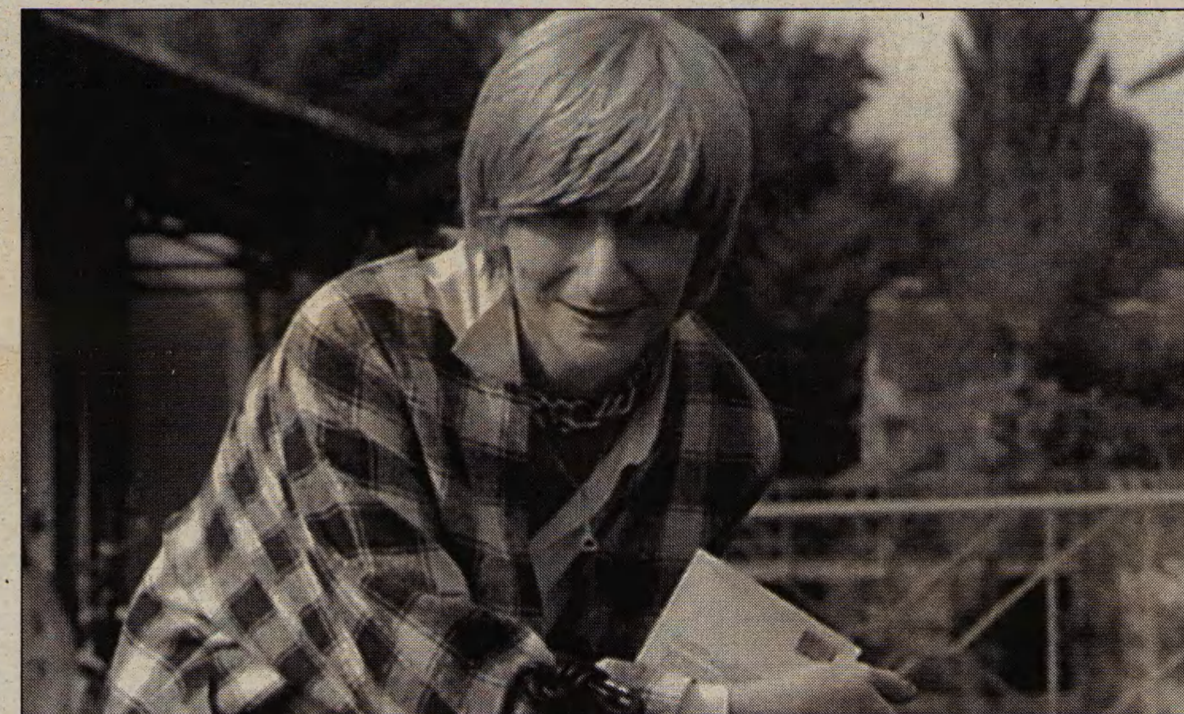
Она не страдала звездной болезнью и никогда не набивала себе цену в отношениях с мужчинами – просто не снисходила до этого. Характерный пример – рассказ одного из русских журналистов, добившегося в Париже согласия на ее интервью. Саган сильно опоздала. Наконец, появилась. «Простите меня, – сказала она, – чтобы искупить свою вину, я готова сесть к вам на колени». Что тут же и исполнила.

Близким приятелем Саган был сам Франсуа Миттеран. Дружба с ним стала причиной многих сплетен и неприятностей. Считается, что писательница уговорила президента «надавить» на власти Узбекистана, чтобы те заключили контракт с французской нефтяной компанией «Elf». Так или иначе, контракт был заключен, а мадам Саган получила четыре миллиона франков, которые пошла на ремонт ее дома в Нормандии. Не указав эти деньги в налоговой декларации, Саган угодила под суд и была условно приговорена к году тюрьмы. Немного позже Саган опять предстала перед судом – за хранение и употребление наркотиков.

В 2002 году она снова скрыла от налоговой инспекции часть своих доходов и была приговорена к огромному штрафу и конфискации всей собственности. На защиту писательницы встала вся твор-

Получив свой первый гонорар, растерянная Франсуаза пришла за советом к отцу. «Деньги для тебя большое зло, – сказал тот, взглянув на свое витающее в облаках дитя, – поскорее истрать их». Что она тотчас и сделала, купив роскошную машину, яхту и виллу.

«Я думаю, у меня сейчас больше таланта, чем у 9/10 из тех, кто утверждает, что пишет лучше меня».

ческая интеллигенция Франции.

В начале сентября прошлого года газеты сообщили, что Саган в состоянии комы доставлена в реанимацию парижской клиники. Тогда она выжила.

О Саган всегда ходило множество слухов, каждого из которых было достаточно, чтобы написать целый авантюрный роман. Представляю, сколько подлинных и выдуманых сенсаций появится на свет теперь, после ее смерти. Но лукаво и грустно улыбающаяся со своих портретов писательница ничего не ответит в свое оправдание.

25 сентября 2004 года, газета «Фигаро» опубликовала интервью с Саган, данное ею в 1979 году, сразу после тяжелой операции – тогда врачи едва спасли ее от перитонита. Корреспондент спрашивал ее об ощущениях человека, прошедшего в миллиметре от смерти.

– Я всегда любила рисковать, делать то, чего нельзя. Эта черта досталась мне от одной из бабушек – русской. Это принесло мне немало хлопот, но только после катастрофы в 1957-м я поняла, что моя жизнь достаточно хрупка.

– После нынешней операции врачи больше не разрешают вам пить. Вам недостает алкоголя?

– В иные моменты мне хочется выпить. Раньше после трех бокалов виски любой мужчина казался мне эпатажным и привлекательным, а на трезвую голову – абсолютно неинтересным. И в этом был шарм алкоголя. Мы приходили в ночной клуб с Артуром, а уходили с Полем. В клубе «У Регины» была потайная дверь рядом с баром, где можно было быстро занять любовью. С другой стороны, алкоголь всегда помогал мне писать, позволял поверить в собственные силы. Сегодня я пользуюсь другими стимуляторами – теми, что не причиняют такого вреда здоровью. Я не знаю ни одного писателя своего поколения, который бы ничего не принимал.

– Для вас творчество – способ существования?

– Скорее, это способ уравновесить мою странную, бурную жизнь. Единственное, что заставляет меня краснеть, – мне не удается создать шедевр. И каждый раз, когда я пишу, мне кажется, что в этот раз я уже точно его создам, а потом все ускользает. Но, честно говоря, я думаю, у меня сейчас больше таланта, чем у 9/10 из тех, кто утверждает, что пишет лучше меня. Но я все же не Сартр.

– Вы работаете каждый день?

– Да, когда книга уже пошла. А если нет, то могу неделями бездельничать. Одно лето, помню, работала без отдыха. Была засуха, но в тот момент, когда я дописывала свой роман, над Парижем нависла огромная грозовая туча. Дождя не было очень долго, его ждал весь город, но он пошел лишь после того, как я поставила последнюю точку. И тогда я сказала себе: «Возможно, я должна была закончить роман раньше».

– Вы не увидели в этом знака свыше?

– Я потеряла веру в 14-15 лет, прочитав Каю, Сартра, Превера. Что меня еще больше отравило – спектакль инвалидов, на котором я побывала в Лурде вместе с родителями. Там на сцене играли несчастные, ожидавшие чудесного исцеления, а его не случилось...

– Чем вы объясняете невероятный успех повести «Здравствуй, грусть!»?

– Выход романа пришелся на то время, когда молодежи нуждалась в свободе. Это сейчас она властвует, подростки существуют в обществе на равных со взрослыми. А тогда все было наоборот. Именно поэтому в истории Сесиль было много того, что могло шокировать. Семнадцатилетняя девочка, которая с удовольствием занимается любовью, – это казалось невероятным. Поскольку мне было почти столько же лет, что и Сесиль, на меня смотрели с огромным любопытством. Все это создало мне скандальную и экстравагантную репутацию. Франс Морриак в «Фигаро» написал «об очаровательном маленьком монстре» и с тех пор меня начали раскручивать...

Перевод Татьяны ГОНИК и Аллы ШЕНДЕРОВОЙ